

Dr 72.9
И 73

XXIX

**ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКАЯ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ**

**ИНТЕГРАЦИЯ НАУКИ
И ОБРАЗОВАНИЯ
КАК УСЛОВИЕ ПОВЫШЕНИЯ
КАЧЕСТВА ПОДГОТОВКИ
СПЕЦИАЛИСТОВ**

7

**СЕКЦИИ СОВРЕМЕННОГО
РУССКОГО ЯЗЫКА, ЯЗЫКОЗНАНИЯ
И ТЕОРИИ И ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ**

Op 72.9
U 73

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Op 72.92

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ

74.48 (обш)

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«ОРЕНБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ИНТЕГРАЦИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ
КАК УСЛОВИЕ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА
ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ

а-301491
16 12

Материалы XXIX преподавательской
научно-практической конференции

21—22 апреля 2008 г.

Том 7

Секции современного русского языка,
языкознания и теории и истории культуры

Оренбург
Издательство ОГПУ
2008

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ КУЛЬТУРЫ
ОРЕНБУРГСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
УНИВЕРСАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ИМ. Н.К. КРУПСКОЙ

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА.....5

- Арапова Р. К.** О ПРИЧИНАХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ
ОМОНИМОВ-СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ.....5
- Иванова Л. В.** ОБ ОДНОЙ ОСОБЕННОСТИ ИДИОСТИЛЯ
Н. А. ЗАБОЛОЦКОГО (К 50-Й ГОДОВЩИНЕ
СО ДНЯ СМЕРТИ).....14
- Косянова О. М.** РЕЧЕВАЯ ПОДГОТОВКА СТУДЕНТОВ
ПРАВОВЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ
(АНАЛИЗ МЕТОДИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ)21
- Кочеткова Т. И.** О ТЕРМИНЕ «ПРЕДИКАЦИЯ» В
ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ.....29
- Пирманова Н. И.** КУЛЬТУРНЫЕ КОННОТАЦИИ
НОМИНАТИВНЫХ ЕДИНИЦ ЯЗЫКА (НА ПРИМЕРЕ
ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ ЗЕМЛЯ)38
- Чеботникова Т. А.** СОВРЕМЕННАЯ РЕЧЕВАЯ ПРАКТИКА
КАК ОТРАЖЕНИЕ НРАВСТВЕННОГО СОСТОЯНИЯ
ОБЩЕСТВА48
- Шевякова И. А.** СПОРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КЛАССИФИКАЦИИ
ИНФИНИТИВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ54
-
- ### СЕКЦИЯ КАФЕДРЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ И МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА.....59
- Бобылева А. А.** СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ
СОПРОВОЖДЕНИЕ РАЗВИТИЯ ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ
ОРИЕНТАЦИИ СТАРШЕКЛАССНИКА59
- Москальчук Г. Г.** ПОЗИЦИОННЫЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ.....64
ТЕКСТА КАК СИСТЕМЫ.....64
- Попова В. И.** ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В
ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ОБРАЗОВАНИИ ЛИЧНОСТИ74
- Хайбуллина Г. Р.** СУБЪЕКТНЫЕ ОСНОВАНИЯ
ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ ПОЗИЦИИ СТУДЕНТА В
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ УЧРЕЖДЕНИИ.....82
- Харчёва И. С.** ЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПОЛИКУЛЬТУРНОГО
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
ШКОЛЫ89

Холопова Т. Г. РОЛЬ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ	93
СТУДЕНТА КОЛЛЕДЖА	93
Якимов П. А. ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ ГРАМОТНОСТИ ШКОЛЬНИКОВ В КОНТЕКСТЕ СИНТЕЗА ИСКУССТВ	103
 СЕКЦИЯ КАФЕДРЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ	110
 Гусарова Л. Д. ВЛИЯНИЕ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ НА СТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ	110
Нестеров А. К. АКТУАЛИЗАЦИЯ АКСИОЛОГИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ЛИЧНОСТИ	116
Прокофьева В. Ю. ОБРАЗ ИТАЛИИ В ПОЭЗИИ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА: СМЫСЛОВЫЕ КОНСТАНТЫ ДРУГОЙ КУЛЬТУРЫ	126
Сербина Н. С. ФОЛЬКЛОР И ТВОРЧЕСТВО В РАННИХ СКАЗКАХ В. И. ДАЛЯ	138
Тарасенко Е. Н. АКТЁРСКИЙ ТРЕНИНГ БУДУЩЕГО ПРЕПОДАВАТЕЛЯ	146
Юдина Н. В. НАУЧНО-ПОНЯТИЙНОЕ МЫШЛЕНИЕ В ИНТЕГРАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ ОБРАЗОВАНИЯ	157

6. Спендель де Варда Й. Образ Италии и ее культуры в стихах Анны Ахматовой / Спендель де Варда Й // Тайны ремесла: Ахматовские чтения. М., 1992. Вып. 2.

7. Толмачев, В. М. Образ красоты / В. М. Толмачев // Муратов П. Образы Италии. М., 1994.

8. Цивьян, Т. В. «Золотая голубятня у воды...»: Венеция Ахматовой на фоне других русских Венеций / Т. В. Цивьян // Семантические путешествия. СПб., 2001.

9. Цивьян, Т. В. «Умопостигаемая Италия» Комаровского / Т. В. Цивьян // Василий Комаровский. Стихотворения. Проза. Письма. Материалы к биографии. СПб., 2000.

Н. С. Сербина

ФОЛЬКЛОР И ТВОРЧЕСТВО В РАНИХ СКАЗКАХ В. И. ДАЛЯ

В 1833 году В. И. Даль переводится на службу в Оренбург чиновником особых поручений при военном губернаторе В. И. Перовском. Он покидает Петербург, имея в литературном багаже сказки «Первого пятка» (1832), повесть «Цыганка» (1830), несколько стихотворений в журнале А. Ф. Воейкова «Славянин» (1827, № 16, 26). Сохранились и его неопубликованные ученические опыты в разных жанрах: историческая поэма «Вадим», одноактные комедии, стихи, неоконченный роман из жизни молодых людей этого времени. Даль как бы пробует перо, «примеряет» на себя роли поэта, драматурга, романиста, пытаясь найти свой путь в литературе. Академик Я. К. Грот вспоминает: *«Имя Даля, как и его псевдоним Казак Луганский, было у нас, начиная с 30-х годов, одним из самых популярных, с самого появления в литературе известность его быстро распространилась, благодаря, между прочим, неожиданному запрещению, которому подверглись изданные им в 1832 году сказки...»* (3, с. 67—72) действительно, «Цыганка» прошла практически незамеченной (Ю. П. Фесенко отмечает, что это

произошло из-за неисправного выхода журнала «Московский телеграф», в котором печаталась повесть: между публикацией первых семи и последующих шести глав прошло несколько месяцев) (16, с. 58—59), а история с *«Русскими сказками из предания народного изуственного на грамоту гражданскую переложенные, к быту жителейскому приуроченные и поговорками ходячими разукрашенные казаком Владимиром Луганским. Пяток первый»* получила широкую огласку. Хотя книга благополучно прошла цензуру, её тираж вскоре был изъят по донесению управляющего III отделением Н. А. Мордвинова: *«...Она напечатана самым простым слогом, вполне приспособленным для низших классов, для купцов, для солдат и прислуги. В ней содержатся насмешки над правительством, жалобы на горестное положение солдата и пр.»* (15, с. 412). Надо признать, что Мордвинов был недалёк от истины. К примеру, характеристика царских министров из *«Сказки о Иване молодом сержанте...»*: *«...кто взят из грязи да посажен в князи; кто и велик телом, да мал делом <...>; а которые посмышлёнее, так вовсе плуты наголо, кто кого сможет, тот того и гложет, ну, словом, живут — только хлеб жуют, едят — небо коптят!»* (6, с. 371). И подобных сатирических характеристик в сказках *«Первого пятка»* не счесть. Были арестованы не только оставшиеся у книготорговцев экземпляры, но и сам автор, отпущенный, впрочем, вечером того же дня. В. И. Порудоминский подробно исследует историю ареста и освобождения Даля и приходит к выводу, что Николай I помиловал его за военные заслуги во время польской кампании 1831 года. Даль тогда проявил себя как незаурядный инженер, построив в короткий срок из подручных материалов понтонный мост через Вислу, за что позже был награждён владимирским крестом с бантом (13, с. 26). В общем, книга широкого распространения не получила, до *«купцов, солдат и прислуги»* не дошла, но имя своему автору создала. О сказках заговорили в

литературных кругах Петербурга: Никитенко, Языков, Плетнёв, Жуковский, Греч, Булгарин и другие в письмах, заметках упоминают нашумевшую книгу.

Интерес, вызванный сказками, был в первую очередь внелитературным, идеологическим. Собственно художественных достоинств у книги было немного. Это отмечали и современники, и потомки. Помимо широко известного отзыва Белинского («...одна его замашка переделывать на свой лад народные сказки достаточно показывает, что искусство не его дело») обращает на себя внимание резкая критика Л. Н. Майкова: «...Это особенная размеренная или рифмованная проза, притом обильно приправленная поговорками, присловиями и прибаутками, проза в конце концов столь же искусственная, однообразная и утомительная, как высокопарный слог старинных риториков...» (10, с. 7). В XX веке не менее категорично отозвался В. Я. Пропп: «...не представляют почти никакого интереса для фольклористов и очень слабы с точки зрения художественной» (14, с. 70).

Действительно, в своих «переложенных, приносивших и разукрашенных» сказках Даль во многом уходит от поэтики русской народной сказки. Но расхождения с ней одновременно являются первыми чертами собственно далевского стиля.

Для создания сказок Даль использовал фольклорные сюжеты, известные в устной традиции, в литературной обработке и по лубочным сборникам, на что было указано Л. Н. Майковым (10). Фольклористами обстоятельно проанализированы источники сказок Даля: И. П. Лупанова (9) и З. И. Власова (1) доказывают, что сюжеты всех пяти сказок восходят к народным. Народные сказки использованы писателем не только как основа сюжета, но и для вставных эпизодов. Так, например, «сюжетом сказки о воре и бурой корове послужил бытовой анекдот; для сказки о похождениях черта-послушника использованы антицерковные рассказы, близкие по типу анекдотам о черте, ищущем на земле жертв для соблазна» (1, с. 342).

Ю. П. Фесенко подчеркивает, что «Пяток первый» является циклом, а не сборником и «*построен по законам симметрического равновесия*» (16, с. 74). В первой («О Иване молодом сержанте») и последней («О похождениях черта-послушника, Сидора Поликарповича») сказках изображается в основном солдатская жизнь, вторая («О Шемякином суде») и четвёртая («Новинка-диговинка») представляют собой соответственно социальную и бытовую сатиру. В третьей сказке («О Рогволде и Могучане царевичах») авантюрно-волшебное начало сплетается с основными мотивами других текстов: несправедливым приговором, кознями злых соперников, неожиданным вмешательством потусторонних сил и т.д.

Как мы видим, Даль не был заинтересован в сюжетной новизне, он использовал готовые сюжеты и готовые конструкции. Стержень художественной структуры сказок Даля — образ рассказчика, его речь. Т. Г. Леонова подробно анализирует язык «Сказки о Иване молодом сержанте» и отмечает следующие его особенности, не свойственные народной сказке (8, с. 125—136). Во-первых, Даль нарушает фольклорные нормы употребления пословиц — приводит их целыми гнёздами: *«Есть притча короче носа птичьья: жениться — не лапоть надеть, а одни лапти плетутся без меры, да на всякую ногу приходятся! И истинно; жена не гусли: поигравши, на стенку не повесишь, а с кем под венец, с тем и в могилу, — приглядись, приноровись, а потом женись, примерь десять раз, а отрежь один раз; на горячей кляче жениться не ездят»* (6, с. 368). В народных же сказках пословицы обычно выполняют функцию морального вывода из сюжетного эпизода или всего произведения, употребляются в виде одного изречения к определённом случаю. Во-вторых, народная речь рассказчика постоянно сопрягается с книжной струёй, что нарушает цельность повествования и восприятия: *«И кто бы благодержновенный покусился сподвизаться на такие чудные и неслыханные похождения! Но плетью обуха не перешибешь — когда по-*

сылают, так идти...» (6, с. 374). В речи персонажей можно найти даже образцы официально-делового стиля: *«...А потому не благоугодно ли будет вышепоименованному Ивану Молодому Сержанту повелеть, яко остающемуся и пребывающему под сомнением, повелеть службу служить ему иную..?»* (6, с. 371).

По мнению Т. Г. Леоновой, введение в изобилии пословиц в язык повествователя *«не явилось эстетическим достижением»* (8, с. 128). Действительно, неумеренное употребление пословиц выглядит навязчивым, вызывает у читателя внутреннее сопротивление. Вступают в противоречие народная основа сюжета и нарушающая фольклорные нормы речь рассказчика и героев.

Форма повествования в «Пятке первом» неоднократно привлекала внимание исследователей. В. Гофман в актуальной и в наше время работе «Фольклорный сказ Даля» подробно анализирует различные виды сказа и относит сказки Даля к стилизации фольклорного сказа: *«Смешение, сталкивание разных традиционных форм фольклорного сказа — сказочного, раешного, былинного, — с разговорно-речевыми элементами и со штампами письменно-литературной речи — прозаической и стихотворной — было основным стилистическим приёмом Даля в сказках»* (2, с. 252). Той же точки зрения придерживается и В. П. Скобелев: *«...Фольклорная поэтика, будучи объектом стилизации, оказывается одновременно и фоном, на котором самопроявляется авторская индивидуальность, пришедшая из письменно-книжной художественности и отнюдь не порвавшая с ней связи»* (12, с. 57).

Известно, что русская народная сказка, сочетая в себе эпическое и поэтическое начала, стремится к экономии, используя в том числе и постоянные эпитеты, характеризующие героев и пейзаж, «единообразие композиции» (В. Я. Пропп). Сказка избавляется от подробностей, которые неизбежно утрачиваются при устном бытовании, она тяготеет к лаконичной конкретике. Даль сознательно нарушает законы поэтики народной сказки. Его бытописа-

тельский талант стремится показать всё: особенности национальной кухни («закусили муромским калачом, ростовским каплуном и нежинским свежепросольным огурчиком») (6, с. 373), выправку военных («держал мерный шаг, руки по шву, фуражку снял на приличном расстоянии») (6, с. 380), народные гулянья («скоморохи, выписные и доморощенные, игрища многообразные, горы, пляски, салазки и сказки, кулачные бои увеселяли народ») и т.д. Знания рассказчика так велики, что выливаются за пределы собственно сказки, находят себе место в авторских примечаниях, чего и представить себе не могла народная сказка. Русский сказочный эпос повествует о том, что и без того известно каждому, в своём предельном обобщении он рассчитывает на слушателя, которому знакомы все реалии быта. Даль же подходит к переделке сказок как учёный, как лингвист и этнограф: он открывает просвещённому читателю мир русской народной культуры, быт и речь народа, подобно тому, как в первой своей повести он открывал молдавских цыган, а позже в Оренбурге откроет европейцам киргиз-кайсаков. Вот почему выверенную формульность народной сказки сменяют у него красочные описания, толкования слов, изобилие пословиц и поговорок. И сам автор это осознаёт, делает творческой установкой: *«Не сказки сами по себе были ему [автору] важны, а русское слово, которое у нас в таком загоне, что ему нельзя было показаться в люди без особого предлога и повода — и сказка послужила предлогом. Писатель задал себе задачу познакомить земляков своих сколько-нибудь с народным языком, с говором, которому открывался такой вольный разгул и широкий простор в народной сказке»* (5, с. 424). Даль подчеркивает, что он не ставил своей целью издать собрание русских сказок, что его творения не являются образцом слога и языка, более того — он *«хочет только показать небольшой образчик запасов, о которых мы мало или вовсе не заботились...»* (7, с. 425). Это осознают и современники: *«...Но пора сказать о тех писателях, которые возделывали народную*

устную стихию в русском языке... Пальма первенства в этом деле из всех повествователей русских принадлежит несомненно Далю-Луганскому. Все до него пользовавшиеся этим языком употребляли оный не столько в своём собственном слоге, сколько в разговоре простонародных лиц, выводимых ими... Даль-Луганский чувствовал большую симпатию к этому языку, а вместе с тем видел и невозможность ввести его помимо всех обычаев прямо в язык литературный. Ему не оставалось другого средства, как притвориться русским сказочником и дать нам новый образец этого забытого, живого, устного нашего языка сначала в художественной оправе нашей народной сказки» (С. Шевырев) (Цит. По: 2, с. 245). До издания «Толкового словаря живого великорусского языка» ещё более тридцати лет (1863—1866), почти столько же до выхода в свет «Пословиц русского народа» (1861—1862), и Даль, не имеющий пока возможности напрямую познакомить русских с огромным языковым богатством, использует для этого сказки. Ю. П. Фесенко считает, что *«назойливый полицейский надзор попросту вынуждал Даля замалчивать социальную остроту и художественные достоинства своих произведений»* (16, с. 68). Но дело в том, что писатель именно подчеркивает важность фольклора и народного языка для его сказок. О художественных достоинствах судить читателю, а оправдываться перед властью через десять лет после запрещения книги бессмысленно: свою благонадежность Даль докажет многолетней службой на пользу государства Российского.

«Сказки первого пятка» тяготеют к главной линии его творчества — к очерковости, к созданию максимально объективной и по возможности полной картины быта и нравов. Поэтому сюжет, имеющий в народной сказке первостепенное значение, у Даля заслоняется деталями крестьянского и солдатского быта, богатством малых фольклорных форм, вошедших в повествование. «Родной дух и родной язык» — вот формула, необходимая, по мнению Даля, отечественной словесности.

Литература

1. Власова, З. И. В. И. Даль / З. И. Власова // Русская литература и фольклор (первая половина XIX века). Л. : Наука, 1976.
2. Гофман, В. Фольклорный сказ Даля / В. Гофман // Русская проза. Л. : ACADEMIA. 1928.
3. Грот, Я. К. Воспоминания о В. И. Дале (с извлечениями из его писем) / Я. К. Грот // Известия АН. Серия литературы и языка. 2001. Том 60.
4. Даль, В. И. Повести и рассказы / В. И. Даль. М. : Советская Россия. 1983.
5. Даль, В. И. Полтора слова о нынешнем русском языке / В. И. Даль // В. И. Даль. Оренбургский край в художественных произведениях писателя. Оренбург: Оренбургское книжное издательство. 2001.
6. Даль, В. И. Сказка о Иване Молодом Сержанте, Удалой голове, без роду, без племени, спроста без прозвища / В. И. Даль // Даль В. И. Избранные произведения. М. : Правда. 1987.
7. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. Т. 4. М. : 1955.
8. Леонова Т. Г. Русская литературная сказка XIX века в её отношении к народной сказке: Поэтическая система жанра в историческом развитии / Т. Г. Леонова. Томск, 1982.
9. Лупанова, И. П. Русская народная сказка в творчестве писателей первой половины XIX века / И. П. Лупанова. Петрозаводск, 1959.
10. Майков, Л. Н. Пушкин и Даль / Л. Н. Майков // Русский вестник. 1890. № 10.
11. Мельников, П. И. Критико-биографический очерк / П. И. Мельников // Полное собрание сочинений Владимира Даля (Казака Луганского) в 10 томах. Пб.; М. 1897—1884. Т. 1.
12. Мущенко, Е. Г. Поэтика сказа / Е. Г. Мущенко, В. П. Скобелев, Л. Е. Кройчик. Воронеж, 1978.
13. Порудоминский, В. Даль / В. Порудоминский. М. : Молодая гвардия. 1971.
14. Пропп, В. Я. Русская сказка / В. Я. Пропп. М. : Лабиринт, 2000.
15. Русский архив, 1886. Кн. 3.
16. Фесенко, Ю. П. Проза В. И. Даля. Творческая эволюция / Ю. П. Фесенко. Луганск; СПб.: Альма матер, 1999.

175p

Op (Bib) (299)

издательство
ОГПУ